

Дедушка Сяо принёс гостям целую гору фруктов. Мальчики вооружились ложками и принялись за арбуз, разделав его на две половины. Покончив с угощением, Сяо Цзичун засобирався домой.

Старик, конечно, расстроился:

— Да оставайтесь на ночь, куда вы в такую жару?

Сяо Цзичун вытащил деньги и протянул их деду.

— Я же за этим и приехал. Тут за Юньнюэр, за четвёртый квартал, заранее. Нам пора — сегодня первое сентября, учёба началась. Деда, ты что, забыл, какое сегодня число?

Дедушка на мгновение задумался, и лицо его тут же переменялось.

— Так вы что, прогуливаете? — строго спросил он.

— Сегодня днём уроков нет, — успокоил его Цзичун. — Но завтра начинается военная подготовка. В старшей школе программа тяжёлая, времени совсем не будет, вот я и решил заскочить, отдать на содержание собаки.

Дед деньги взял, пересчитал и с подозрением спросил:

— Откуда у тебя такие суммы?

Он-то прекрасно знал, как строго невестка контролирует карманные расходы внука.

— Накопил, — уклончиво ответил Цзичун.

— Ну, ладно, — кивнул дед. — На Юньнюэр всё равно столько не уйдёт. Оставлю остаток тебе — на свадьбу, когда невесту в дом поведёшь.

Цзичун, опустив голову, усмехнулся:

— Да когда это ещё будет...

На самом деле ста юаней в месяц на огромную собаку едва хватало, и по виду Юньнюэр было ясно: дед на еде для неё не экономит.

Пока Сяо Цзичун возился с собакой, Янь Жань держался в сторонке. В детстве за ним гнался

какой-то пёс, и с тех пор он их побаивался. Особенно когда Юньнюэр, тяжело дыша, раскрывала пасть. Хотя, если забыть о страхе, он готов был признать: собака была красавицей.

Дедушка вместе с Юньнюэр проводил их до автовокзала и сам купил билеты до города. Когда мальчики уже уселись в автобус, Сяо Цзичун высунулся в окно:

— Деда, только не говори родителям, что я приезжал!

— В дороге будьте осторожны. Как доберётесь — позвони, — напутствовал старик.

— На улице жара, идите скорее домой. И не пейте много, а лучше вообще не прикладывайтесь, — махнул рукой внук.

— Я сам это вино делаю, как же мне его не пить? — рассмеялся дед.

— А так: если хотите дожить до знакомства с невесткой, то пейте поменьше.

Старик снова рассмеялся:

— Учись давай, и никакой любви до времени, а то мать шкуру спустит!

Автобус тронулся. Сяо Цзичун, прижавшись лбом к стеклу, долго смотрел вслед деду и собаке.

Янь Жань, сидевший рядом, до этого момента считал Цзичуна человеком холодным и отстранённым, но теперь понял, что ошибался. Чтобы содержать собаку, тот даже влез в долги. Но почему он платит деду? Разве помогать с питомцем — не естественное семейное дело?

— Твой дедушка живёт совсем один? — спросил Янь Жань.

Когда дед и Юньнюэр скрылись из виду, оживление исчезло с лица Сяо Цзичуна, сменившись привычной сдержанностью.

— Бабушка умерла несколько лет назад, с тех пор один. Мог бы жить с нами, но с моей матерью они не ладят. Да и в город он не хочет — характер у него упрямый, с дядьями тоже вечно спорит. Так и живёт.

«В каждой семье свои скелеты в шкафу», — подумал Янь Жань.

— Моя бабушка сейчас у старшего дяди, — поделился он, — но они тоже постоянно ругаются. Говорит, скоро вернётся к нам.

Сяо Цзичун вздохнул.

— Беспокоюсь я за него. Пьёт ведь, а живёт один... Эх. Юньнюэр — дочка бездомной собаки, которую я когда-то знал. Ту беднягу машина сбила, остались щенки. Я одного пристроил к деду. Собака стерилизована, умная — и деду веселее, и дом под присмотром. Он сначала ни в какую не соглашался, мол, дорого обходится. Дома мне держать нельзя — у матери аллергия на шерсть. В итоге я упросил бабушку, пообещав полностью оплачивать её содержание. Со временем он к ней привязался, выходил её. Теперь у него есть о ком заботиться, лишней раз к бутылке не приложится: знает, что Юньнюэр кормить надо. Да и если что случится, собака соседей позовёт.

— Но зачем ты до сих пор даёшь ему деньги? У него что, своих нет?

— Раз я попросил его о помощи, то обязан нести расходы. Хотя сто юаней в месяц — это капля в море, дед всё равно из своих добавляет. Понимаешь, взрослые — странные люди. Они думают, что нас можно обмануть или что мы не понимаем, сколько всё стоит. Мать вечно твердит, что в мои годы она уже за всю семью отвечала, и тут же заявляет, что я ещё ребёнок и ничего не смыслю.

Цзичун пожал плечами.

— Вечно за ребёнка держат. Поэтому я и сказал деду: раз он обещал помочь с собакой, должен держать слово. Я выполняю свою часть договора, он — свою.

В словах Сяо Цзичуна была своя логика, но Янь Жань понимал, что в его семье такое бы не сработало. Если бабушка обещала ему час телевизора за сделанные уроки, то, когда работа была закончена, она просто говорила: «Мама вернулась, иди у неё спрашивай». Взрослые редко соблюдали договоры с детьми.

— И всё-таки, — Янь Жань вспомнил гостеприимного старика, — жить одному в таком возрасте опасно. Заболеешь — и подать воды некому.

Цзичун кивнул:

— Да, но он не хочет ни к нам, ни к дяде. Ничего не поделаешь.

— Мог бы и войти в положение, — пробормотал Янь Жань.

Он сам привык всегда «входить в положение» и подстраиваться, поэтому не понимал такой упрямой независимости.

— У каждого своя жизнь, — возразил Цзичун. — Плохая или хорошая, но его собственная. Только он знает, каково ему на самом деле. Если он будет жить с нами и каждый день

чувствовать себя в клетке, какой в этом смысл? Мы должны уважать его выбор.

Янь Жань замер. Он впервые слышал нечто подобное. Всю жизнь он слышал только «мы делаем это для твоего же блага», и никого не волновало, чего хочет сам человек. Сяо Цзичун действительно был другим.

Часы показывали без двадцати пять. Автобус катил по тенистой дороге, обсаженной высокими вязами. На остановках то и дело заходили деревенские жители: кто с корзинами фруктов, кто с птицей или мясом. Янь Жань, редко бывавший в таких краях, с любопытством наблюдал за суетой. По просьбе одной старушки он помогал придерживать за шею связанную живую курицу. Птица отчаянно билась в его руках, и Янь Жань замер в напряжении, словно перед лицом смертельной опасности. Заметив его испуг, Сяо Цзичун перехватил курицу и устроил её так, чтобы она могла смотреть в окно на золотые рисовые поля и далёкие синие горы.

— Это её последнее путешествие, — задумчиво произнёс Цзичун. — Скоро она станет супом. Или острой закуской. Или потушится с картофелем... Или с бататом...

Янь Жань помолчал немного, а потом спросил:

— Ты проголодался?

Цзичун коротко подтвердил.

— Я знаю одно место у вокзала, там потрясающая жареная вьюница. Как раз сезон.

Сяо Цзичун погладил куриные перья и с грустью добавил:

— Денег нет.

— Я угощаю, — предложил Янь Жань.

Обычно он был довольно прижимист и копил каждую копейку, но сейчас ему очень хотелось сделать Цзичуну приятное.

Сяо Цзичун улыбнулся:

— Не стоит, поехали домой. Я и так у тебя занял кучу денег, не хватало ещё, чтобы ты меня кормил. Вот разбогатею — тогда и угощу.

Янь Жань хотел было поспорить, но Цзичун с глубокомысленным видом отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

Вернувшись в свой дом, Сяо Цзичун забрал у Янь Жаня учебники. Он ушёл молча, лишь коротко поблагодарив, и так быстро взбежал по лестнице, что Янь Жань не успел даже напомнить, что обложки ещё не надеты.

Наступил учебный год. Ли Мэй пропадала на работе, часто задерживаясь допоздна и по выходным. Янь Тяньхуа бывал дома чуть чаще.

Янь Жань лежал на прохладной циновке, глядя в потолок. Его комната выходила на северо-запад, и лучи заходящего солнца плясали на стёклах. С кухни доносились тихие, умиротворяющие звуки — тётушка Ду готовила ужин.

Поездка к дедушке Сяо заставила Янь Жаня остро почувствовать: Цзичун бесконечно далёк от него. Он не мог его разгадать. В пятнадцать лет, как твердили родители, нужно думать только об учёбе, а не разгадывать чужие души. Но мысли Янь Жаня жили своей жизнью. Его тянуло к Цзичуну, он не мог оторвать от него взгляда и сам не понимал, почему. А если Сяо Цзичун заметит это излишнее внимание, что он подумает?

«Интересно, — мелькнула мысль, — считает ли он меня своим другом?»

На следующее утро школьный стадион гудел, как встревоженный улей. Более тысячи первокурсников старшей школы готовились к отправке в военный лагерь.

В городе М промышленность, связанная с оборонным сектором, была развита широко, а потому и воинских частей хватало. Лагерь находился недалеко — всего полчаса езды. Школьные автобусы один за другим увозили классы за ворота; классные руководители ехали вместе со своими подопечными.

Снаряжённые нехитрым скарбом и новенькой формой, ребята, полные ожиданий и предвкушения, оказались заперты в расположении части. Военная подготовка в Первой средней школе города М была священной традицией. Семь дней в казармах, по мнению руководства, должны были закалить изнеженных подростков и настроить их на серьёзный лад. Родители не возражали — многие и сами считали, что детям полезно понюхать пороху.

К полудню всех разместили. Спали на двухъярусных железных кроватях. Под присмотром инструкторов школьники учились заправлять постели «конвертиком» и раскладывать вещи по уставу. Обед из общего котла, а после — на плац.

Большинство учеников Первой средней школы города М не были белоручками и с заданиями справлялись. Мальчиков из первого класса — около тридцати человек — распределили по двум большим кубрикам. Янь Жань оказался на нижнем ярусе, прямо под Сяо Цзичуном. Закончив со своей постелью, он робко предложил:

— Давай я и тебе застелю?

Цзичун посмотрел на него с легким удивлением, усмехнулся и покачал головой. Ловко запрыгнув наверх, он сам привёл постель в порядок. Сяо Цзичун не умел готовить, но в остальном по хозяйству справлялся вполне умело.

Предложение Янь Жаня слышали многие. Кто-то пропустил мимо ушей, но кто-то зацепился. Когда Цзичун спрыгнул вниз, Янь Жань, приглашая его присесть к себе, спросил:

— Хочешь пить? У меня есть минералка.

Не успел Цзичун ответить, как чей-то голос протянул:

— Ты что, верная жёнушка Сяо Цзичуна, что ли?

Янь Жань мгновенно вспыхнул. Он не знал, куда деться от неловкости. Но больше, чем обида, его грыз страх: вдруг Цзичун рассердится из-за такой глупой шутки?

Сяо Цзичун нахмурился, хотя до настоящей ярости было далеко. Он обернулся к шутнику:

— Что за чушь ты несёшь!

Тот лишь расхохотался:

— Да просто Янь Жань такой... хозяйственный! Ха-ха!

Это был Лю Ян, рослый парень, почти метр восемьдесят, перешедший из другой средней школы. Янь Жань сидел, не в силах вымолвить ни слова.

— Глупая шутка, — отрезал Цзичун. — Мы с Янь Жанем соседи, дружим с детства.

Янь Жань втайне облегчённо вздохнул. С самого поступления в первый класс он мучился от комплекса неполноценности: все вокруг были гениями, сдавшими экзамены на высший балл, и только он попал сюда «по звонку». У него просто не хватало духу огрызаться.

Го Юйфэн, сидевший на верхней полке напротив, подал голос:

— По мне, так он просто твоя шестёрка. Видит, что ты лучший, вот и подлизывается.

Янь Жань снова провалился в пучину стыда. Он ведь и сам знал: так оно и есть. Он намеренно

искал расположения Цзичуна и больше всего боялся, что тот однажды посмотрит на него свысока. Он замер, боясь пошевелиться.

Сяо Цзичун окончательно потерял терпение. Он даже не присел на кровать, остался стоять, опираясь на спинку.

— За собой бы лучше следили. С чего это вы так за нами с Янь Жанем наблюдаете? — Он повернулся к Янь Жаню: — Пойдём, проветримся.

Янь Жань, поймав на себе косые взгляды остальных, поспешил за ним.

Цзичун был раздражён. Он привык быть в центре внимания, но терпеть не мог, когда ради его возвышения унижали Янь Жаня.

— Не знаю, с чего они это взяли, — сказал он, когда они вышли на улицу. — Я-то знаю, что ты просто добрый человек. Всё, что они болтают — бред.

— Угу, — только и смог выдать Янь Жань.

Сяо Цзичун посмотрел на него, хотел спросить, не обиделся ли он, но, увидев это мягкое, безответное лицо, лишь вздохнул про себя.

Они обошли территорию части: столовую, плац, душевые. Когда вернулись в казарму, то застали Го Юйфэна в разгаре речи:

— Да Янь Жань стопудово по связям в наш класс попал. Результаты у него средние, в экспериментальный класс ему ходу не было...

Янь Жань знал, что этот нарыв рано или поздно вскроется, но, когда это случилось, готов был сквозь землю провалиться. Он и сам не рвался в элиту, но что он мог сделать против воли родителей? В приступе неловкости он первым делом взглянул на Цзичуна.

Тот сохранял невозмутимость.

— Учительница Хао сказала, в двенадцать всем быть в столовой со своими котелками, — ровным голосом произнёс он.

Все были голодны, да и влезать в конфликт Го Юйфэна с Янь Жанем особо не хотелось, так что ребята дружно потянулись за посудой. Только двое не могли забыть о случившемся.

Пока Янь Жань молча собирал вещи, Сяо Цзичун подошёл вплотную к Го Юйфэну.

— Нападать на Янь Жаня — это предел твоих мечтаний? Или издеваться над людьми весело? Настоящая сила в том, чтобы за собой следовать. А если ты самоутверждаешься за счёт слабых, то ты просто трус и ничтожество.

Обычно Сяо Цзичун казался всем вежливым и покладистым пай-мальчиком. Но в моменты, подобные конфликту с Цао Цзюнем, в нём просыпалась скрытая ярость и решимость. Чэн Фэн предупреждал его, что Го Юйфэн метит в него самого, но Цзичун видел — бьют по Янь Жаню. И он не понимал, за что: Янь Жань же мухи не обидит.

Сяо Цзичун был выше Го Юйфэна, и его ледяной напор заставил того замолчать. Го Юйфэн густо покраснел от унижения, но не нашёл, что ответить. Спустя минуту он всё же выдал:

— Я вообще-то тебе помочь хотел. Тебя самого не тошнит от того, как он перед тобой выстилается?

<http://bllate.org/book/17500/1657006>